

АННА СТЕЙША

дом, где боль
передают
по наследству

18+

Анна Стейша

**Дом, где боль передают
по наследству**

«Автор»

2025

Стейша А.

Дом, где боль передают по наследству / А. Стейша — «Автор»,
2025

Это книга о том, как пережить детство, которое едва не пережило тебя. О том, как научиться называть насилие своим именем, когда тебя с детства учили молчать. О том, как вырасти там, где казалось, вырасти невозможно — и не просто выжить, а собрать себя заново. Это не история про победу, где всё ясно и светло. Это история про путь: неровный, страшный, часто одинокий. Про дом, где никто не знал, как любить. И про девочку, которая решила, что всё-таки узнает. Эта книга — не инструкция. Это чья-то реальность. Может быть, и твоя тоже. Если тебе было больно — здесь ты не один.

© Стейша А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ГЛАВА 1. Запах хвои.	5
ГЛАВА 2. Забытое Богом место	7
ГЛАВА 3. Супер-бабушка	9
ГЛАВА 4. Маленькая не леди	10
ГЛАВА 5. Падение щита	12
ГЛАВА 6. Семейный сбор	14
ГЛАВА 7. Семейный шансон	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Стейша

Дом, где боль передают по наследству

ГЛАВА 1. Запах хвои.

Я не из тех безотцовщин, которым врут, будто их папа – космонавт. Я из тех, кто в шесть лет уже точно знает: у его отца была другая семья, и он был готов заплатить, чтобы ты не появилась на свет.

Моим воспитанием по очереди занимались все, кто мог выкроить на это время: бабушка, мама, тёти, двоюродные братья, их жёны, отчим – каждый из них оставил след в моей личности. Иногда это был шрам.

Мне почти тридцать. И только сейчас я, как сапёр на минном поле, шаг за шагом учусь жить. Каждый день я понимаю, чего мне не дали в детстве. Я не о куклах и не о новых кроссовках. Я о вещах посерьёзнее – о праве на голос, на слабость, на страх.

Моё счастливое детство закончилось рано. В восемь лет в мою жизнь вошёл отчим. Он проник в мою душу, выжигая всё на своем пути. Он был тем, кого сейчас называют абьюзером. А если без модных слов – тираном, насильником и говнюком, замаскированным под «папу».

Моя бабушка была для меня опорой. Или светом в окне. Или, если честно, единственным взрослым, кто любил меня просто так. Без условий. Без «если ты будешь хорошей девочкой». Если бы не она, не знаю, выжила бы я или стала бы кем-то совсем другим – может, очередной жертвой в семейном ритуале передачи боли из поколения в поколение.

Своих детей она не баловала. Строгая, холодная, даже жестокая – по рассказам, не по памяти. Со мной она была другой. В те редкие времена, когда мы жили под одной крышей, она ухаживала за мной, как за последним цветком на обочине после ядерной войны.

У меня были дикие, кудрявые волосы, как спутанные корни старого дерева. Бабушка вставала ни свет ни заря, чтобы распутать каждую прядь и заплести меня в порядок. Никто в садике и в школе не догадывался, что за этими идеальными косичками пряталось настоящее гнездо. А ещё – маленькая девочка, которая изо всех сил старалась быть хорошей.

Я не скажу, что мы жили бедно. Но когда в школе раздали анкету с вопросом: «Как бы вы оценили своё материальное положение?» – где-то между «на еду хватает» и «денег хватает на одежду» – я искала пункт: «берём продукты в долг в ближайшем ларьке».

Моя жизнь с бабушкой была не богата, но удивительно теплой. Я не чувствовала бедности, пока она была рядом. Чай без сахара, курица без кожи, макароны без подливки – это было моё меню, и оно мне нравилось. Не потому, что я следила за фигурой в восемь лет, как до сих пор шутит мой брат. Просто мои вкусы идеально вписывались в семейный бюджет.

Самым счастливым временем была наша тесная однокомнатная жизнь с мамой, бабушкой и моим двоюродным братом. Это было счастье на четырёх квадратных метрах. У меня были подружки, школа, резиночка, в которую я прыгала лучше всех, и чувство, что я – на вершине мира. Тогда я умела быть уверенной. Тогда я ещё не знала, как пахнет страх.

Я не была хулиганкой, но могла поспорить с отличником и победить в скорости чтения. Могла танцевать на кухонном столе и верить, что меня никто не остановит. Ещё я верила в маму. Она работала много, но каждый свободный момент была со мной. И я любила её. Тогда. Без сомнений. Без анализа.

Всё изменилось, когда на её работе случилась авария. Она перепутала соль с бензином, затапливая печку в сторожке. Всё вспыхнуло мгновенно. Пожар – как кара за усталость. Маму забрали в больницу с тяжёлыми ожогами ног. Я боялась потерять её. Ночами молилась

кому-то свыше: пусть мамочка останется жива, пусть вернётся ко мне, хоть в бинтах, хоть на костылях, но живая.

Меня слышали. Мама вернулась домой.

Но это уже была не совсем она. Её кожа выглядела как блестящая янтарная конфета и пахла хвойной мазью. Она двигалась осторожно, как будто каждое прикосновение к полу – это контакт с болью. Но глаза... Глаза у неё светились. Не от счастья вернуться домой. От чего-то другого. От кого-то другого.

Вечерами она делилась с бабушкой историями – голосом взхлёб, как подросток после первого поцелуя. Я слышала эти разговоры украдкой, ловила обрывки. Имя не называлось. Но глаза горели.

– Ты теперь выйдешь за него замуж? – спросила я однажды, не выдержав.

– Это ещё бабка надвое сказала, – усмехнулась она.

Но я уже знала. Я не хотела, чтобы она выходила за него. Я не знала его имени, не видела лица. Но нутром чувствовала – этот человек разрушит всё. До этого мама уже водила домой «кандидатов в отцы», и ни один из них не вызывал во мне тревоги. Этот – вызывал страх. Слёзы сами лились, стоило подумать о нём. Мама списывала на ревность:

– Я по-прежнему тебя люблю. Я всегда буду с тобой!

Так она впервые обманула меня.

Вскоре она переехала к нему в другой город. Точнее – в деревню. Меня оставили с бабушкой и братом. Связи не было. Телефон – непозволительная роскошь. Мы не виделись несколько месяцев. Но я продолжала жить в своём детстве – полном друзей, школы, бабушкиного борща и разговоров по душам.

В последний учебный день перед зимними каникулами в школе был концерт. После мы шли домой нашей дворовой бандой – смеялись, толкались, строили планы на каникулы. И тут кто-то крикнул:

– Смотрите, звезда падает! Загадывайте желание!

Я не сомневалась ни секунды:

– Пожалуйста, пусть мама приедет! Пусть мама...

Когда я открыла дверь, из квартиры тянулся запах свежее испечённых пирожков. Бабушка готовила их только к праздникам. И да, была причина: приехала мама. Она как-будто материализовалась из моего желания напрямиком на кухню. Я бросилась к ней, вцепилась руками, как в спасательный круг:

– Мама!!!

– Больше мы не расстанемся, – сказала она. – Будешь теперь жить с нами. Кстати, познакомься. Это Дьябло.

За маминой спиной появилось лицо с улыбкой, растянутой до ушей, но пронизывающими холодом голубыми глазами.

Так лучший вечер того года стал худшим вечером моей жизни...

ГЛАВА 2. Забытое Богом место

Улыбка Диябло не вызывала у нас с бабушкой никакого доверия, хотя он изо всех сил пытался произвести впечатление галантного джентльмена: интересовался бабушкиным здоровьем, моими успехами в школе, осыпал маму комплиментами, словно конфетти. Он даже вызвал такси, чтобы перевезти мои вещи в свою деревню – и, как показало время, это была самая дорогая услуга, которую он когда-либо нам оказал.

Теперь я понимаю: он расставлял ловушки любви, и мама с восторгом в них шагала.. Он знал, на какие кнопки давить. А мама – знала, как поддаваться.

Мы приехали к невзрачному двухэтажному кирпичному дому. Он напоминал одну из тех заброшек, по которым мы с братом лазали во дворе. Только оказалось, что он наполовину жилой. Диябло занимал двухкомнатную квартиру с крошечной кухней и... уличным туалетом. Я даже не представляла, что такие бывают при квартирах. Но, видимо, здесь это было нормой. Как и отсутствие ванны. Вместо неё – банные субботы в доме его матери, бабы Саши.

В первое же посещение я познакомилась с его семьёй – они казались колонией, занявшей окрестности: братья, жёны братьев, дети. Целый клан. В центре этого мира стояла она – баба Саша. Почти не покидая хутора, она держала всех в железной хватке. Стоило ей посмотреть не тем глазом – и Диябло превращался в школьника, запнувшегося на уроке.

Меня она разглядывала с подозрением, словно изучала под микроскопом:

– Ну и худющая... А эти волосы! Господи, откуда ты эту цыганёнку притащил? – шипела она на сына.

Это была не одна из тех добрых старушек, к которым я привыкла. Я сопровождала маму, когда она разносила пенсию: бабушки встречали нас с конфетами и обнимашками. Эта – только критиковала. Казалось, её единственное увлечение – следить за другими и громко выносить приговор.

Говорят, от холодных матерей рождаются горячие тираны. Диябло был живым доказательством этой теории.

На банных посиделках я впервые увидела классику семейного пьянства. Тогда в моей голове сложилась странная, но чёткая классификация: кто пьёт пиво – добряк, вино – язвительный, водку – злой. Диябло и его мать, конечно, были из последней категории. После нескольких рюмок они с наслаждением обсуждали всех, кого только можно. В том числе – мою бабушку.

– Представляете, эта старуха варит целую курицу, а потом для этой малявки снимает кожу, выбирает, что она будет есть! – хохотал он. – Избаловала! А мне теперь исправлять!

Он не понимал, что это было проявление заботы. Его мать швыряла ему тарелку, словно миску дворовым псам. А Диябло смешило, как бабушка обращалась со мной: ласково, аккуратно, будто боясь испортить.

Меня же злило, что он смеет так говорить о ней. Если бы бабулита это слышала – он остался бы без ушей.

Иногда, в трезвые дни, он приносил с работы сладости. Сажал меня к себе на колени, против моей воли, смачно целовал в щёки. Мне было противно. Его прикосновения – как смиренная рубашка. Не больно. Но мерзко. Я сразу вытирала его слюну с щеки, мама смеялась:

– Он просто хочет найти с тобой общий язык.

Сейчас меня мутит от этой фразы.

Деревня была оторвана от цивилизации. Несколько домов, лес и поля до горизонта. Даже в школу мы ездили на старом пазике – не на весёлом жёлтом автобусе, как я себе представляла. Там не было смеха. Только взгляды и пренебрежение.

В школе меня называли "заморышем", "чушкой", "уродкой". Смеялись. За спиной. В лицо.

Мои волосы – когда-то гордость бабушки – превратились в спутанный вихрь. Я уже не чувствовала себя принцессой. А одноклассники не видели во мне ничего, кроме бомжа.

Их оскорбления, как пыль, въедались в кожу. А дома меня ожидало продолжение: «Ано-рексичка». «Носатая чурка». «Уродина». Он повторял это при маме, она молчала.

Я назвала эту деревню "Забытым Богом местом". Молиться здесь было бесполезно. Мои слова поднимались к гнилой крыше, путались в ветках облезлых берёз и падали обратно. Господь, казалось, не хотел иметь с этим местом ничего общего.

Отношения с едой стали причиной для войны. Дьябло жарил сало, варил макароны в жире, настаивал, чтобы я ела всё. Я настаивала, чтобы он отстал. Он злился, но не отпускал меня из-за стола, пока тарелка не была пустой.

Я стала хитрить: размазывала еду по тарелке, оставляла борозды от вилки на посуде, чтобы создать иллюзию. Остальное прятала в салфетку и скормливала собакам. Он не любил курицу. Мама почему-то тоже перестала её готовить. Я ненавидела свинину. Так мой рацион сузился до хлеба с чаем.

Это продолжалось два месяца. До одного вечера.

Я открыла дверь, ожидая встретить темноту, но на кухне горел свет. Пахло чем-то знакомым – теплом, тестом, домом.

На табурете, как на троне, сидела Она.

– Ты мою внучку голодом моришь, сучий потрох? – пророкотал её голос, словно выстрел. Бабулита. Моя. Настоящая. Суровая. Спасительная.

Я не сказала ни слова. Просто бросилась к ней. Обняла. И заплакала. Она гладила меня по спине, пока отчитывала Дьябло и маму.

Я не помню, что они говорили в ответ. Помню только, как её руки сжались на моей спине, как будто склеивая меня заново. И в этот момент я поняла: Господь всё-таки меня услышал.

Просто, как всегда, ответил её голосом – резким, крепким, моим самым родным.

ГЛАВА 3. Супер-бабушка

Бабулита сидела на диване, я устроилась перед ней, спиной – как раньше, когда она плела мне тугие косы. Только теперь волосы были спутаны в гнездо, и расчесывание напоминало пытку. Часа три, не меньше – она тянула, разбирала, причитала.

– Ну конечно, я мать-свинья, не слежу за дочкой, а ты – бабушка-героиня! – бросила мама из дверного проёма. – Вон, с тобой она терпит сидит, а у меня – слёзы, сопли, истерики!

Я молчала. Но в голове звучало: посмотрела бы я на маму, если бы каждое утро она проходила через те же «причёсывания», что и я. Поверьте, вопли были бы втрое громче.

– Алевтина, посмотри, куда ты завезла Анну! Какое будущее её тут ждет? – бабушка резко повернулась к маме, не отпуская моих волос. – Такими темпами она станет дояркой, не иначе!

– Дьябло тоже так говорит, – вскинулась я. – А ещё говорит, что «Фабрика звёзд» мне не светит, потому что туда путь только через постель...

Бабушка застыла. Затем, как ястреб, обернулась к маме, сжав кулаки так резко, что дёрнула меня за косы. У меня хрустнуло в шее, но я не пискнула.

– Ты это слышала, Алевтина? – прошипела она. – Он ей такое говорит?!

И тишина в комнате вдруг стала тяжёлой, как перед бурей.

Колёса поезда выбивали ритм нового сезона моей жизни. С каждой минутой мы с бабушкой отдалялись от забытого Богом места. Мама с Дьябло тряслись в соседнем вагоне плацкарта. Мы ехали на юг – в станицу Краснодарского края. Она обещала мне возвращение в детство, но слово не сдержала.

Я поступила в местную школу, и поначалу казалось, что жизнь налаживается. Бабушка снова заплетала мне косы, гладила школьную форму, варила любимую курицу. Она держала Дьябло на расстоянии – и, надо сказать, успешно. Тогда я этого не замечала, но когда её не стало, я поняла: она была моим щитом.

Дьябло временами снова срывался, особенно когда пил. Но чаще всего удар принимала на себя мама. Иногда они громко ссорились, иногда громко смеялись – никто не знал, чем закончится очередной вечер.

Мама не пила, но следовала за ним, как тень. Будто боялась, что он напьётся и исчезнет. Хотя Дьябло напивался до такой степени, что исчезнуть мог разве что под стол.

Когда он пытался проникнуть в мою комнату, бабушка вставала у двери как часовой.

– Куда ползёшь, пьянь?

– К дочке! Обнять её хочу...

– Не смей дышать на Анну перегаром! – и крикнула маме: – Забирай свою любовь, пока не отлупила.

И мама, как воспитательница циркового тигра, тянула его на руках:

– Дьяблочка, пойдём в кроватку...

Тогда мне это казалось смешным. Только потом я поняла, что смех – был нервный.

ГЛАВА 4. Маленькая не леди

Диабло рассказывал, что у него есть дети от первого брака, но сам в отцовстве сомневался. Маме, разумеется, такие разговоры были как нож по стеклу: бывшая жена, дети, общее прошлое – она ревновала его ко всему, что было до неё. И когда это прошлое вдруг явилось на порог с чемоданом в руках, у неё перекосилось лицо.

– Мать выгнала её из дома, – буркнул Диабло, заноса сумки в дом – Приревновала к отчиму.

Я подслушала их ссору накануне приезда незванной гостьи. Он согласился приютить дочку не из великодушия, а чтобы не платить алименты бывшей.

– Да, мамаша совсем головой поехала. У неё паранойя, – поддакивала Корделина, бесцеремонно усаживаясь на мою кровать.

На вид – обычная девочка в спортивной кофте и джинсах. Я не строила иллюзий о возможной дружбе: она – дочь Диабло, а значит, хорошего ждать не стоило.

Ей было тринадцать, и она действительно не была похожа на отца. У Диабло – голубые глаза и худощавое, пропорциональное тело. «Вылитая мать», – говорил он. – «Надеюсь, хоть мозги мои». Меня это сместило. Маму – нет. Её забавляли лишь чёрные глазки Корделины и бёдра, которые были вдвое шире остального тела.

Но её несуразность стала хитом среди мальчиков-подростков, которые слетались к ней, как пчёлы на липкий мёд. Некоторые мои одноклассницы ей завидовали, я – нет. Мне казалось, она нравилась только тем, кто не знал, что такое уважение.

Я мечтала, что если когда-то понравлюсь мальчику, то он принесёт мне полевые цветы и будет робко улыбаться. А те, что бегали за Корделиной, шутили, ржали и пытались схватить её за ляжку. Мне было десять, и я, к счастью, не представляла для них никакого интереса.

Корделина же ловила их внимание, как кислород. Каждый день как сельский показ мод: макияж стал ярче, балахон сменился на полупрозрачные топы, а джинсы на юбки, шириной в пояс.

Друзья Корделины относились ко мне как к ребёнку. Мне с ними было легче, чем с ней. Один из них как-то сказал:

– Анна, когда подрастёшь, только не будь как сестра.

Помню, в один жаркий день мы с парнями играли в «мафию», ждали, пока Корделина соберётся и вот она, наконец, выходит. Смоки-айс в духе «деревня и блёстки», сквозь топ просвечивает красный лифчик, бретельки стрингов натянуты до пупка и врезаются в бока, как шпагат для колбасы. Джинсовая короткая юбка на заниженной талии едва прикрывает ягодцы.

Она шла с выражением «встречайте свою королеву», но я слышала, как её дружки едва не поперхнулись от смеха. Корделина уселась на стул в центре двора, закинула ногу на ногу и потянулась за сигаретой. Тут же все вскочили и протянули зажигалки. Я не понимала: почему за спиной они называли её проституткой, но при этом приклонялись, как дворовые слуги.

Позже тем же вечером Корделина достала ватман – из чемодана, как священную реликвию. В центре – огромное розовое сердце, а внутри десятки имён. Среди них – и имя ее отчима.

– Разве сердце не для одного имени? – робко спросила я.

Корделина пожала плечами, дополняя свое творение новыми именами:

– Почему же? Они все меня любят. Значит, и я должна любить их.

Но больше всего меня смущали её отношения с отцом. Диабло ревновал её к поклонникам. Комментировал её походку, её бёдра, объяснял, сколько сантиметров должен быть женский шаг. Говорил, что женщины всегда виляют «хвостиком» при ходьбе. Я уже тогда чувствовала: это ненормально. И совсем не по-отцовски.

Она огрызалась – он смеялся. С мамой за такое полетела бы сковородка, а Корделине всё сходило с рук, он был мягок с ней, почти ласков. Их диалоги напоминали заигрывания двух несмышлёных школьников – и вызывали у меня отвращение.

Бабулита не скрывала свое презрение.

– Фу, срамота, – сплёвывала она, и уходила в свою, пусть и проходную, но безопасную комнату. Она безмолвно наблюдала за происходящим в доме. Иногда предупреждала меня держаться подальше от нее и ее “тусовки”, но не вступала с Корделиной в открытый конфликт.

Она знала: это не её бой. У неё был другой. За меня. И этот бой она... не успела выиграть.

ГЛАВА 5. Падение щита

Я виню Дьябло в смерти бабушки.

За три дня до её семидесятилетия в доме прогремел оглушительный скандал – такой, что стены дрожали. Отчим отмечал рождение моей младшей сестры уже два месяца подряд. Каждый вечер – застолье, тосты, водка, соседи. С каждым днём он терял лицо. Буквально. Остались только глазки-бусинки и рожа, расплывшаяся в сальную улыбку.

Он целовал младшей пяточки, а потом – при тех же людях – шлёпал старшую дочь по заднице:

– Смотрите, какая выросла! А ведь тринадцать лет назад я эту попку пеленал!

Корделина улыбалась, пытаясь выбраться из его загребущих лап. Гости, похоже, ничего странного не видели – ржали с ним в унисон.

Мы с бабушкой стояли в стороне. Она сжимала скулы. Я морщила лицо. Мама была в эпицентре – там, где смеются, чокаются, подливают. Я видела, как у неё наливалось лицо: стыд? ревность? страх? Наверное, всё вместе. Удушающий коктейль, от которого она даже не пыталась сбежать.

Когда гости расползлись по домам, мы с Корделиной были в нашей общей комнате – самой дальней. До нас лишь доносились обрывки ссоры, голоса на пределе, как сорванные струны:

– На людях облизываешь свою малолетнюю шлюху! Выставляешь меня слепой дурой! – кричала мама.

– Моя дочь не шлюха, – прохрипел Дьябло.

Я посмотрела на Корделину:

– Поглядите-ка... Твой папаша, похоже, многого о тебе не знает.

– А кто она, по-твоему? – визжала мама. – С отцом чуть ли не в десна целуется! Шлюха!

– Я сказал: не называй мою дочь так!

– ААААААА! – заорала она.

– А ты не смей руку поднимать на мою! – вмешалась бабулита.

– Ты куда лезешь, карга старая?! – отрезал Дьябло.

– Я на тебя заявление в милицию напишу, свинья пьяная! Все побои сниму, сучий ты потрох!

– Ну держись, бабка... Сейчас я тебе их оставлю.

Казалось, началось землетрясение – дом содрогнулся от хлопка входной двери.

– Дьябло гоняет бабушку с палкой по улице! – вбежала мама, запыхавшаяся, как после пожара.

Потом стало странно тихо. Только мерцание мигалки скорой помощи билось в окна нашей спальни. А из соседней комнаты доносился храп Дьябло, спавшего, как будто ничего не случилось.

Мама сказала, что бабушка останется на ночь у соседки.

– Всё в порядке, – сказала она.

А зачем тогда приезжала скорая? – спросить я не решилась.

Я молилась, чтобы она осталась в живых, и она осталась, но лишь наполовину.

Утром она сидела в своей комнате. Я видела её через дверной проём. Лицо – серое. Глаза – пустые. Взгляд – в никуда. Я никогда не видела её такой.

– У бабушки инсульт, – сказала мама, заметив, что я не сплю.

– Что такое инсульт?

– Это как инфаркт. Только похуже, – ответила она, не облегчая понимания.

Свой юбилей бабушка встретила, не вставая. Она сидела и молчала. Я показывала ей рисунки, рассказывала анекдоты, пыталась рассмешить – но всё было бесполезно. Она смотрела на меня, но я её уже не чувствовала.

На третий день после дня рождения бабушку будто окончательно покинули силы. Она больше не могла есть сама. Не могла сидеть. Мама кормила её с ложечки.

Я уже тогда понимала: бабулита страдает не столько от болезни, сколько от унижения. Та, что когда-то была сильной, должна теперь принимать кормление из рук своей младшей дочери, как беспомощный ребёнок.

В одно из таких кормлений бабушка отвернулась. Как будто сказала:

«Хватит. Не хочу. Не так. Не со мной».

Она ушла тихо. Забрав с собой всё, что давало мне тепло. Всё, что держало меня на плаву. Всё, что было щитом между мной и этим миром.

На похоронах меня просили не плакать, чтобы не тревожить душу умершей.

Ба, я до сих пор сдерживаю слезы, спи спокойно, мой ангел-хранитель.

Я виню Дьябло в смерти бабушки.

ГЛАВА 6. Семейный сбор

У моей мамы было две сестры и два брата. Один из них – приёмный. Вернее будет сказать – подкинутый. Он единственный, кто не приехал на послепохоронные поминки бабушки.

Я плохо его помню. Когда мне было лет шесть, мама приютила его с женой и падчерицей. Мы тогда жили вдвоём – с мамой – в этом самом доме, где бабушка потом встретит свои последние дни.

Мама говорила за его спиной:

– Дядя Глеб – наркоман. Но я не могу оставить его в беде.

Я не знала, что такое «наркоман». Не понимала, что за беда. Передо мной был весёлый, черноволосый дядя, который смеялся, кормил нас конфетами и катал меня на плечах. Всё остальное казалось преувеличением, каким-то взрослым шёпотом, до которого мне не было дела.

Он не приехал на похороны. Может, не знал. А может, просто не посчитали нужным пригласить. История его появления в нашей семье всегда была покрыта туманом – как старое семейное фото, выцветшее и липкое. То его подкинули грязного, без документов, прямо под дверь бабулиты. То его оставила алкашка-мамашка. То, наоборот, его вырвали из рук этой мамашки, почти в бою.

Севастьяна позже написала книгу о бабушке – ни строчки о нём. Как будто Глеб был ошибкой, которую проще вычеркнуть, чем признать. Но я помню. Он был из нас. Один из нас.

Севастьяна – старшая дочь бабушки. Мать пятерых детей. Вырастила четверых. Боль от утраты одного из сыновей отражалась лишь в седой пряди её чёрных, густых волос. Она была сдержанной, рассудительной, хладнокровной. Пока мама с Анфисой взрывались в порывах гнева, впиваясь друг в друга когтями, Севастьяна натянуто улыбалась и произносила:

– Ребята, давайте жить дружно.

Ледяной океан среди вулканов. Даже на прощании с бабушкой она не проронила ни одной слезы.

Анфиса. Средняя дочь. Хозяйка дома, в котором все собрались. Мама за глаза называла её «чёрной вдовой», ее первый муж – разбился в аварии, второй – погиб в авиакатастрофе. На поминки она приехала с третьим – «условно официальным» – финном по имени Олави. Он не говорил по-русски, но и не нужно было: выражение лица у него было, как у человека, оказавшегося на съёмках документального фильма о выживании среди диких животных.

Анфиса была женщиной-вихрем: вульгарной, прямолинейной, громкой. Она могла закричать, разбить посуду, вцепиться в волосы, как в тряпку. Я до сих пор помню, как однажды, когда мы с Фёдором – младшим сыном Севастьяны – перевели на руки временные татуировки из жвачек, Анфиса заставила нас счищать их ножами для масла.

– У вас будет рак! – кричала она.

– Сама вся в наколках, а детям нельзя даже временную татушку! Что у тебя – не рак, потвоему? – парировала мама.

Потом, как обычно, случилась драка.

Теперь Анфиса сидела на стуле, не выпуская сигарету, критиковала:

– Аля, у тебя вечно чашки с какими-то разводами...

Из её декольте выглядывала голова русалки – хвост, похоже, застрял где-то в узком проливе между грудей. Автор этой живописи, конечно же, ее брат.

Ричард. Старший сын бабушки. Половину жизни провёл в местах не столь отдалённых. Семейное предание гласило – за «непреднамеренное», благородное преступление. Он, якобы, заступился за друга. Очень рьяно. Подвиг, увы, не оценили: двадцать лет лишения свободы – и никаких медалей.

Его тело покрывали татуировки – гордость и одновременно надписи на развалинах. Он называл себя тату-мастером, хотя, скорее, просто очень хотел им быть. У него были мечты – всегда громкие, как новогодний фейерверк: вечный двигатель, прибор для зарядки души, пепельница, гаснущая от одного взгляда. Всё рушилось из-за «внешних обстоятельств».

Всех их собрала утрата. Казалось бы, не до интриг. Но не тут-то было.

ГЛАВА 7. Семейный шансон

Севастьяна приехала с моим братом Фёдором. Тем самым, с кем мы засыпали под бабушкины сказки и просыпались от запаха её оладий. Тогда мне казалось, что он – подарок из прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.